

художник не изобразил этих атрибутов в клейме: там святая жена держит только крест. Таким образом, святая, олицетворяющая Страстную Пятницу, превращается у художника в некую безымянную святую жену, которую он, по всей вероятности, принимает за богородицу (об этом говорит темно-вишневый цвет ее мафория). Древнерусский художник не понимает и потому упрощает сложную византийскую символику, связанную с культом Параскевы. Эта склонность к упрощению постоянно обнаруживается при сопоставлении надписей и текста жития. Согласно житию, Параскева «все имение свое требующим даяше». В надписи она действует решительнее: «раздаша имение свое нищим». Вот как описана в житии реакция людей на проповедь Параскевы: «Ови же слышавше вероваху в Иисуса Христа и мнози же негодующе раны ей приношаху». Согласно надписи, проповедь мученицы имеет безусловный успех, она «научиша народ веровати во Христа». Для художника Параскева — святая, и только, без каких-либо черт конкретной личности, связанной с исторической обстановкой. Сточки зрения художника, христианская святая не может не идти до конца в своем рвении, так же как не может испытывать неудачи в своей деятельности.

Характеристика игемона в житии сравнительно сложна. Он язычник и законопреступник, но не злодей. Пораженный красотой девицы, он пытается вести с ней разговор, убеждает отречься от Христа и стать его женой. Несмотря на отказ Параскевы, он хочет ее помирловать. Только после оскорбительных слов Параскевы игемон подвергает ее наказанию. Для художника же царь — безусловный злодей уже потому, что язычник; поэтому нет необходимости объяснять его злодеяния. В надписи изменена последовательность событий: царь без всяких разговоров приказывает бить Параскеву жилами говяжьими и лишь потом предлагает ей поклониться языческим богам и стать его женой. Не может быть сомнения, что все эти изменения сделаны художником сознательно, ведь в большинстве случаев он дословно заимствует фразы из жития. Изменяя текст, художник стремится более четко разграничить добро и зло. Такая определенность характеристики вообще свойственна фольклору.

Надписи в клеймах исследуемой иконы образуют вполне связный текст. Связь отдельных надписей между собой подчеркнута тем, что многие из них начинаются соединительным союзом «и» или наречием времени. Надписи вполне независимы от изображений, понятны и без них. Изображения же иногда непонятны без сопровождающих их надписей. Таковы 4 почти одинаковых по композиции клейма, изображающие Параскеву перед царем. Следовательно, надписи не только входят в замысел художника как вполне самостоятельный элемент, но именно они несут основную смысловую нагрузку, а изображения подчинены им. В этом нельзя не видеть влияния лицевых рукописей.

Однако художник пытается и в цикле изображений в клеймах построить не менее законченное и замкнутое само в себе повествование. Именно для этого он вводит сцену рождества Параскевы, которой нет ни в тексте, ни в других житийных иконах этой святой. Тем самым он простейшим способом достигает замкнутости времени внутри цикла изображений. Теперь живописное повествование имеет свое начало — рождение героини, развитие действия — мучения Параскевы и ее столкновения с царем, свою кульминацию — сокрушение языческого храма, и, наконец, завершение — смерть обоих героев. Замкнутость времени для житийных икон так же характерна, как и для житийного жанра древнерусской литературы.⁴

⁴ О замкнутости художественного времени в различных жанрах фольклора и древнерусской литературы см. в работе Д. С. Лихачева «Поэтика древнерусской литературы» (Л., 1967).